

Один человек в лазурных одеждах с изяществом грациозного зверя спрыгнул со стены. Он картинно взмахнул белым веером, придавая себе вид утонченного щеголя:

— Позвольте представиться, я Су Лэн. Мое почтение.

Из-за веера на него взглянули загадочные, полные нежности глаза, в лунном свете их разрез казался поистине пьянящим.

— Первая красавица Поднебесной.

Глядя на Су Лэна, внезапно ворвавшегося в его маленький дворик, Хуа Юйтан в панике принялся поправлять только что распахнувшиеся одежды. Руки его дрожали, он никак не мог совладать с завязками. Из ворота выглядывали изящные ключицы и полоска нежной, белой кожи. От смущения глаза юноши покраснели, а в больших, влажных зрачках застыло такое выражение, что хотелось подойти и утешить его лаской.

Су Лэн, наблюдая за этой беспомощной суетой, с улыбкой прищурился. Он сложил веер, не спеша подошел к Хуа Юйтану и, склонив голову, протянул длинные, похожие на белую яшму пальцы. С легкой усмешкой он аккуратно поправил воротник юноши и разгладил складки на его одежде. Посмотрев на пылающего от стыда Хуа Юйтана, он весело произнес:

— Я приятель Хуа Цзинжана по академии, мы довольно близки. В последнее время он ведет себя крайне странно. Не знаю, что с ним творится: целыми днями, забыв о сне и еде, он с безумным видом перечитывает одну и ту же исписанную тетрадь, то и дело цокая языком от восторга. Просто немыслимо.

Су Лэн нахмурил тонкие брови, помолчал, а затем вновь легко и непринужденно улыбнулся:

— Мне стало до того любопытно, что я не удержался и украл ее, чтобы взглянуть.

Хуа Юйтан остолбенел, глядя на этого наглого красавца, который с таким невозмутимым видом признавался в бесстыдстве. Его поразила такая толстокожесть.

Су Лэн продолжил:

— На обложке я увидел твое имя. А поскольку твоя слава как первой красавицы гремит повсюду, я просто не смог побороть свое любопытство. Поэтому, пользуясь чудесной лунной ночью, я решил прийти и совершить кражу — украсть аромат и нефрит, чтобы лично засвидетельствовать почтение первой красавице Поднебесной, третьему господину Хуа.

Мужчина сощурился, и в его глазах на мгновение промелькнул блеск, слишком быстрый, чтобы его можно было уловить.

— А может быть, и первому таланту Поднебесной.

Хуа Юйтан растерянно захлопал своими длинными ресницами, словно не сразу осознал смысл

сказанного. Лишь через несколько секунд он внезапно вспыхнул. Яркий румянец залил его лицо, перекинулся на уши и тонкую белую шею, отчего он стал казаться еще прекраснее — точно цветок персика, распустившийся на нефрите.

Он в панике замахал руками, закусив губу:

— Н-нет, что вы... Какая красавица? Н-нет, это не я. В смысле... и талант — это тоже не про меня. Т-те записи — это просто так, баловство, случайные мысли. Вы... пожалуйста, не принимайте это всерьез.

Су Лэн с легкой улыбкой перебил его:

— Человека, способного написать подобные строки, я не встречал в этом мире больше ни разу. Первый талант Поднебесной — это, несомненно, ты.

Хуа Юйтан покраснел еще сильнее. Теребя пальцами край одежды, он робко пробормотал:

— Вы... вы мне льстите.

Су Лэн утешающе улыбнулся и, как бы между прочим, добавил:

— Твои статьи столь блистательны и глубоки, что я никак не могу понять, почему о тебе говорят как о... пустой кукле.

Он с щелчком раскрыл веер, скрывая блеск своих персиковых глаз. Услышав эти слова, взгляд Хуа Юйтана потускнел. Он нахмурился и закусил губу так сильно, что нежные лепестки ее, казалось, вот-вот пустят сок.

Словно замороженный, Су Лэн сделал шаг вперед, протянув руку, будто желая разгладить морщинку между бровей юноши. Хуа Юйтан тихо прошептал:

— Матушка и отец... они берегут меня. Не хотят, чтобы я выходил из дома и сдавал государственные экзамены.

В его прекрасных глазах заблестели слезы, повисшие на длинных загнутых ресницах. Су Лэн вздрогнул, его взгляд мгновенно прояснился. Он был поражен тем, какой сокрушительной силой обладает красота этого юноши.

Выслушав объяснение, Су Лэн озорно подмигнул:

— Вот оно что.

Он резко сменил тему:

— Впрочем, раз уж мы теперь друзья, может, поделишься со мной сокровенным? Что ты думаешь о недавнем решении императора реформировать систему военных поселений?

Военные поселения были особой мерой: в мирное время солдаты занимались земледелием, что пополняло казну и снижало расходы на содержание армии, а во время войны брались за оружие. Эту систему создал император Яньцин, будучи еще юношей, и всегда гордился ею. Но сегодня она пришла в упадок. Из-за коррупции высшие военачальники ради личной выгоды захватывали земли, предназначенные рядовым солдатам. Прошло десять с лишним лет, и теперь солдаты не то что не приносят налоги — они сами голодают.

Реформа должна была вернуть порядок: пересчитать земли и перераспределить их, чтобы пополнить казну и помочь воинам. Это было благое дело. Когда император издал указ, весь двор ликовал, славя его долголетие.

Выслушав вопрос, Хуа Юйтан быстро взглянул на собеседника, в его влажных глазах мелькнула искра. Он заикаясь произнес:

— Я... я скажу, но вы, пожалуйста, не смейтесь.

— Говори, я весь во внимании.

— Я... я считаю, что это невозможно. Совершенно невозможно.

Су Лэн помрачнел, крайне удивленный:

— Почему же?

— Чтобы реформа удалась, нужно отобрать земли у военачальников. Но у местных чиновников, которые должны исполнить указ, нет под рукой войск, и они не посмеют бросить вызов генералам, за которыми стоят закаленные в боях армии. А план по сбору зерна никто не отменял. В итоге бремя этих налогов ляжет на плечи простых солдат. Им станет невыносимо тяжело, и тогда... тогда на границах вспыхнет мятеж!

Хуа Юйтан говорил, полностью забывшись. Гениально! Просто гениально! Су Лэн едва удержался, чтобы не ударить по столу в восхищении. Его глаза сияли, он подался вперед и спросил:

— А что ты думаешь о недавнем случае, когда заключенные сами вернулись в тюрьму?

Три дня назад император Яньцин помиловал три сотни преступников, отпустив их домой при условии, что они вернутся к назначенному сроку для исполнения смертной казни. И все они вернулись. Император был тронут их благородством и даровал им жизнь. Это событие вызвало небывалый резонанс, весь мир восхвалял добродетель государства Яньцин.

Хуа Юйтан насмешливо фыркнул. В его глазах больше не было прежней роботости — лишь непоколебимая гордость и презрение.

— Погоня за славой, не более! Ожидать, что люди, способные на преступление, проявят себя как благородные мужи — разве это человечно? А кто знает, может, их отпустили именно потому, что заранее знали: они вернутся в надежде на помилование? Или, может, они вернулись лишь потому, что были уверены в своем спасении? Это лишь игра, где верхи и низы

обманывают друг друга ради громкого имени. Где здесь истинная добродетель или доверие? Если уж хочешь явить милость, то выпусти их, а когда они вернуться — убей. И если после этого ты отпустишь других, и они тоже вернуться — вот тогда это будет истинное влияние добродетели. К тому же, такие вещи допустимы лишь изредка. Если делать это постоянно, то убийцы останутся безнаказанными. Разве можно превращать это в закон? Истинный правитель древности опирался на человеческую природу, не пытаясь выделиться странными поступками или завоевать похвалу ценой здравого смысла.

Глядя на Хуа Юйтана, который говорил о государственных делах, Су Лэн видел, как с его лица исчезает всякая роботость, уступая место свету мудрости. В лунном свете его прекрасное лицо казалось воплощением чистоты и нестигаемой воли. Су Лэн невольно ощутил, как его сердце пронзило странное чувство.

Он встал и захлопал в ладоши:

— Bravo! Я должен признать свое поражение! Кто бы мог подумать, что у Хуа Цзинжана такой одаренный и блестящий младший брат!

Хуа Юйтан словно очнулся от сна. Поняв, что произошло, он густо покраснел и поспешно затряс головой, испуганно пробормотав:

— Вы... вы перехвалили меня. Пожалуйста, не берите в голову этот бред. Мой старший брат в тысячу раз талантливее меня. Умоляю, не говорите так.

Су Лэн не ответил. Он поднял голову к небу: восток уже начинал светлеть, луна клонилась к закату. Они проговорили всю ночь. Су Лэн пристально посмотрел на съежившегося Хуа Юйтана и вдруг улыбнулся:

— Разговор с тобой принес мне огромную пользу. Но, если честно, я еще не выполнил свою главную цель на сегодня.

— Какую? — растерянно спросил Хуа Юйтан.

— Украсть аромат и нефрит!

Су Лэн с лукавой улыбкой резко подался вперед и коснулся губами его персиковых губ. Пока юноша пребывал в оцепенении, он ловко развернулся, перемахнул через стену и исчез, словно птица. Издалека донесся его ясный голос:

— Красавица, еще увидимся!

Сяо Бай, прятавшееся невесть где, досмотрело эту сцену до конца. Оно молча парило рядом с Чжоу Баем, чувствуя, как его внутренний мир рушится. Ему хотелось схватить Чжоу Бая за воротник и яростно трясти:

— Скажи мне, что это неправда! Скажи, что ты не учился в актерской школе!

Чжоу Бай с интересом спросил Сяо Бая:

— Ну как тебе этот персонаж? Обладает невероятным талантом, но страдает от преследований мачехи. Внешне — нежная белая лилия, а в душе — глубокий знаток наук, чистый, но твердый, мягкий, но не лишенный гордости.

Чжоу Бай улыбался мягко и нежно, но в его глазах плясали пугающие искорки.

— Считал его пустой куклой, а он оказался бесценным талантом. Думал, что это обычный камень, а нашел жемчужину. Планировал использовать его как игрушку, а он оказался скрытым гением. Что скажешь, Сюэ Ихоу Лэн Чэнь, Лэн Цзышу?

— Что! — Сяо Бай в ужасе подскочило. Это был штрафной мир, и оно не предупредило Чжоу Бая о личности Су Лэна. — Какого черта! Откуда ты знаешь?

Чжоу Бай, лежа на резной кровати, зевнул:

— Это же очевидно. Су Лэн хоть и старается казаться мягким и легким в общении, он не может скрыть спесь и достоинство человека, привыкшего к власти. А еще — он ведет себя совершенно спокойно рядом с главным героем, от которого у любого мужчины сразу просыпается желание. Значит, это Лэн Чэнь — единственный, кто не поддался чарам героя, а напротив, жестоко использовал его.

— ...Так ты наконец признаешь, что так обращался с Хуа Цзинжанем, чтобы проверить ауру главного героя? — Сяо Бай мысленно поставило свечку за упокой Хуа Цзинжана.

Чжоу Бай лишь загадочно улыбнулся. Спустя некоторое время он нахмурился:

— Однако позже я засомневался. Разве у Лэн Чэня нет брезгливости? И что это был за поцелуй в конце? Он же терпеть не может касаться чужих губ. Если бы проверка не удалась, мне пришлось бы начинать все сначала.

— Да твой персонаж попал прямо в точку, в самое слабое место Лэн Чэня! — Сяо Бай было в шоке. — Он уже запал на тебя, идиот!

— Разве одного «запал» достаточно? — уголки губ Чжоу Бая изогнулись в зловещей, прекрасной улыбке. — В конце концов, он единственный, кто получил искреннюю любовь Хуа Юйтана, а потом жестоко растоптал ее. Если я не завоюю его сердце, как мне перейти к следующему этапу? И как мне проверить систему до конца... — Чжоу Бай довольно прищурился.

За стеной Лэн Чэнь прислонился к камню, не веря самому себе, и коснулся своих губ. Он не понимал, что на него нашло — он просто взял и поцеловал его. И, что самое удивительное, после этого не почувствовал привычного отвращения. Это было невероятно.

Лэн Чэнь вспомнил яркие губы Хуа Юйтана, его чистый, не соответствующий внешности взгляд и то, как он рассуждал о политике. Внизу живота потеплело. Он поспешно отогнал эти мысли.

У меня к Хуа Юйтану исключительно интерес как к таланту, я просто хочу привлечь его на свою сторону. — твердил он себе. — А поцеловал я его только потому, что слишком долго воздерживался. Определенно, только поэтому!

Лэн Чэнь, убеждая себя в этом, больше не медлил и, применив технику легких шагов, помчался к поместью маркиза. Но его фигура, мелькающая в лунном свете, выглядела так, будто он спасался бегством.

Весенняя ночь была прекрасна, цветы груши слегка покачивались на ветру.

<http://bllate.org/book/19863/1955350>